

Французский Институт в С.-Петербурге (1911-1919) и русско-французское научное сближение

Vladislav Rjeoutski

► To cite this version:

Vladislav Rjeoutski. Французский Институт в С.-Петербурге (1911-1919) и русско-французское научное сближение. Россия и Франция, XVIII-XX века / La Russie et la France, XVIII-XX siècles, 2006, 7, pp.293-322. <halshs-00154160>

HAL Id: halshs-00154160

<https://shs.hal.science/halshs-00154160>

Submitted on 12 Jun 2007

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

«Французский институт в С.-Петербурге» (1911-1919) и русско-французское научное и культурное сближение¹.

Электронная версия статьи В.С. Ржеуцкий, Французский Институт в С.-Петербурге (1911-1919) и русско-французское научное сближение. // Россия и Франция, XVIII-XX века, вып. 7, отв. ред. д.и.н. П.Черкасов, Москва, Наука, 2006. С. 293-322.

У истоков.

Славистика во Франции в XIX в. находилась под сильным влиянием политиков и общественного мнения. Позиция Франции в польском вопросе объясняет во многом тот факт, что в 1840 г., при создании кафедры славянских исследований в Коллеж де Франс, выбор пал на Адама Мицкевича. Приход Луи Леже на эту кафедру после поражения Франции во франко-прусской войне символизирует новый этап в истории французского славяноведения, когда Россия стала все больше привлекать внимание французских ученых. В значительной степени ориентация на Россию объяснялась стремлением найти культурную модель и объект изучения, которые можно было бы противопоставить германскому миру. Россия тем более подходила на эту роль, что она в разные периоды своей истории испытывала сильное культурное влияние Франции и представляла как бы полигон новой, теперь уже культурной битвы с германским империализмом. Новой точкой отсчета в истории русско-французских научных связей стал заключенный в 1891-1893 гг. русско-французский союз. Но, как это показано Б.Гишаром в его статье о первых шагах в преподавании русского языка во Франции², в той политической и культурной

© В.Ржеуцкий.

¹ Я хотел бы выразить свою глубокую благодарность всем тем, кто помогал мне в подготовке этой статьи: Александре Аширметовой, студентке С.-Петербургского университета, Филиппу Евреинову, бывшему заместителю директора Французского института, Владимиру Сомову, научному сотруднику С.-Петербургской Консерватории, Ольге Шихиревой, хранителю Русского музея, Сергею Асланову, бывшему заведующему библиотекой Института славянских исследований в Париже. Я благодарен также учреждениям, которые принимали меня и содействовали мне в этой работе: Французскому Институту и Альянс Франсез в Санкт-Петербурге, Российскому государственному историческому архиву, С.-Петербургскому филиалу Архива Российской академии наук, Отделу рукописей Российской национальной библиотеки, Отделу рукописей Института русской литературы (Пушкинский дом), Центральному государственному историческому архиву С.-Петербурга, Национальному архиву Франции, Архиву МИД Франции, Институту славянских исследований (Париж), Архиву Коллеж де Франс. Первый вариант этой статьи был опубликован в сборнике *Альянс Франсез и Французский Институт в Санкт-Петербурге*, СПб., 2001, с. 64-126 (параллельный текст по-русски и по-французски). Новый переработанный и дополненный вариант публикуется с приложением, содержащим ряд ранее не публиковавшихся документов по истории этого учреждения.

² См. *Guichard B. Parler russe. Un enjeu de l'alliance franco-russe ? // Bulletin, Institut Pierre Renouvin, Paris, novembre, 1999 (édition électronique)*. Статья основана на неопубликованных архивных материалах и очерчивает историю начального периода преподавания русского языка во Франции.

конфигурации, которая сложилась в Европе после 1870 г. и особенно после заключения тройственного союза в 1882 г., изучение России во Франции преследовало прежде всего цель «обойти» Германию, что доказывает и значительное количество бывших германистов среди французских славистов³. К таковым можно отнести и первого директора Французского института Л.Рео.

Преподавание русского языка занимало особое место в истории развития славяноведения во Франции. Занятия русским в школе начались только в 1890-е гг. Первое десятилетие было ознаменовано яростной полемикой между сторонниками и противниками использования русских эмигрантских кадров в преподавании. Среди противников были мэтры французской славистики Ю.-М. де Вогюз, А.Леруа-Болье и, особенно, Л.Леже. Основой этой полемики был вопрос о методике преподавания живых языков. В то время как Л.Леже настаивал на знании грамматики и письменного языка и предлагал ограничить изучение русского только несколькими элитными лицеями, заменивший его на посту инспектора русского языка Поль Буайе (Boyer)⁴ был сторонником практического знания русского, в котором он видел инструмент торговой и промышленной экспансии Франции в России.

Рупором экономического и научного сближения между двумя странами стал журнал Шарля де Ларивьера⁵ *Revue des études russes*, позже переименованный в *Revue des études franco-russes*. На страницах этого издания Россия представляла как залог светлого будущего Франции. Авторы агитировали французский бизнес потеснить немецких промышленников и коммерсантов в России. В университете русский язык, не ведущий к карьере преподавателя, не пользовался большим успехом, несмотря на усилия Ж.Легра и Э.Омана⁶. П.Буайе, который возглавит Школу восточных языков в 1908 г., дал новый

³ Guichard B., цит. статья.

⁴ П.Буайе стажировался в Московском университете с 1889 г., где он слушал лекции Буслаева, Фортунатова, Шахматова. Он совершал регулярные поездки в Россию до начала первой мировой войны. См. *Medvedkova O.* « Scientifique » ou « intellectuel » ? Louis Réau et la création de l'Institut Français de Saint-Petersbourg. // *Cahiers du monde russe*, 43/2-3, Avril-septembre, 2002, pp. 411-422 (p. 412).

⁵ Известного благодаря своим исследованиям по истории русско-французских связей в екатерининское время: *Larivière Ch. de.* Catherine II et la Révolution française. Paris, 1895; он же, Mercier de La Rivière à Saint-Petersbourg en 1767 // *Revue d'Histoire littéraire de la France*, 1897, p. 581-602 ; он же, Catherine II et son premier architecte (Clérissieu) // *Souvenirs et Mémoires*, avril 1901 ; он же, La France et la Russie au XVIIIe siècle, études d'histoire et de littérature franco-russe. 1re série. Catherine II et d'Alembert ; Mercier de la Rivière ; Buffon et Figaro ; le comte Esterhazy à la cour de Russie ; la jeunesse de Nicolas Ier. Paris, A. le Soudier, 1909.

⁶ Ж.Легра преподавал русский язык и литературу в университетах Бордо (с 1894 г.) и Дижона (с 1897 г.), см. цит. статью Б.Гишара; Э.Оман, преподававший сначала в Лилле, а затем получивший кафедру в Сорбонне, известен, в частности, своим сочинением о французской культуре в России, которое ставит его в один ряд с выдающимся знатоком французской эмиграции в России Л.Пенго: *Haumant E.* *La culture française en Russie, 1700-1900*, Paris, Hachette, 1910, 2-е изд. 1913.

импульс преподаванию русского языка. Он реформировал методы преподавания, делая упор на языковую практику и рассматривая знание языка как неременную основу изучения культуры. Его помощником в этом деле стал русофильский кружок аббата Портала, ставивший целью сближение католиков и православных, и близкий к ним Пьер Паскаль⁷. Буайе сыграет важную роль в образовании Французского института в Петербурге. Первый проект организации Института, в декабре 1910 г., был составлен именно им. Буайе предполагал создать французский Попечительный комитет Института, с тремя почетными президентами (два французских министра, народного образования и изящных искусств, и иностранных дел, и русский посол в Париже), и рядом членов (вице-ректор Парижской Академии, ректоры Академий Лилля и Нанси, делегаты от Парижского университета, Коллеж де Франс, Музея естественной истории, школы Восточных языков, Эколь де Шартр, Эколь Политехник и т.д.). Такой же Попечительный комитет предполагалось образовать с русской стороны⁸. П.Паскаль, в будущем выдающийся французский славист, также был близок к Институту в 1917 г.

В создании Французского института сыграло роль и научное сближение Франции с разными странами мира, которое наметилось в начале прошлого века. *Groupement des Universités et Grandes Ecoles de France* развернуло свою деятельность в странах Латинской Америки, постепенно налаживался обмен преподавателями между крупными университетами Франции и США, университет Гренобля основал Французский институт во Флоренции, а по инициативе университетов Бордо, Тулузы и Монпелье был образован Французский институт в Мадриде⁹. Последнему примеру и последовал Поль Думер (Doumer), чьими усилиями и был создан Институт¹⁰. Опыт такого рода уже был у П.Думера, именно он основал Французскую дальневосточную школу.

Французский «Drang nach Ost»

⁷ См. об аббате Портале: *Ladous R. Monsieur Portal et les siens (1855-1926)*, Paris, Cerf, 1985 (ссылка на эту книгу из цит. статьи Б.Гишара); о П.Паскале писали Ж.Нива и Ф.К.Кокен, см., напр., *Coquin F.-X. Pierre Pascal en émigration // Les historiens de l'émigration russe, études réunies par D.Beaune-Gray*, Paris, 2003.

⁸ Avant-projet pour l'organisation de l'Institut français de Saint-Pétersbourg. AN, AJ-16-6553.

⁹ Archives Nationales (далее — AN), AJ-16-6553 (листы в этом деле не пронумерованы).

¹⁰ Поль Думер — известный французский деятель политики и делового мира: в 1895 г. — министр финансов, с 1896 по 1902 г. — губернатор Индокитая, в 1905 г. — президент Палаты депутатов, затем председатель Административного Совета Телеграфа и ряда других компаний, в 1912 г. сенатор от Корсики, впоследствии министр финансов, президент Сената (в 1927 г.), президент Французской республики (в 1931 г.), убит сумасшедшим русским эмигрантом Горгуловым в 1932 г.

В январе 1911 г. Думер едет в Петербург в качестве посланника делового мира Франции. Он договаривается об открытии филиала банка *Société Générale*, добивается от русского правительства заказов для французской промышленности. Миссия Думера широко обсуждалась на страницах французской прессы. Журналисты левой газеты *Юманите* не жалели красок, чтобы нарисовать портрет «хищной акулы международного бизнеса»: «Когда ты специалист в области империализма, негоже признаваться, что едешь в Петербург, чтобы зарабатывать на жизнь. И к тому же надо было быть принятым царем! г-ном Столыпиным, а они бизнесом не занимаются, даже если позволяют делать делишки всему своему окружению [...] Даже нашему уполномоченному финансисту нужен был мотив, причина, ширма, под прикрытием которой он мог бы плести интриги»¹¹. Такой ширмой, по мнению *Юманите*, был план организации французского научного учреждения в России. Много лет спустя это мнение все еще бытовало в левых кругах. В фонде выдающегося французского социолога Марселя Мосса¹² хранится письмо от одного из корреспондентов Мосса, написанное вскоре после смерти Думера. «Известно, — читаем в этом письме, — как Думеру удалось впутать в это дело [создание Французского института — В.Р.] массу честных университетских преподавателей».

Думеру удалось не только это. Он организовал подписку, и многие крупные финансовые и промышленные фирмы заинтересовались этим проектом; он получил согласие министров финансов, народного образования и иностранных дел России и Франции поддержать новое учреждение. В феврале 1911 г., по возвращении из России, Думер собирает на обед всех тех, кто согласился войти в Попечительный совет Института¹³.

В Попечительном совете были представлены три группы. Во-первых, деятели политики и крупные государственные чиновники: посол России во Франции Извольский, сенатор Куиба, депутат Стег, управляющий МИД Франции Бапст, сам Думер и т.д. Во-вторых, ученые, руководители учебных заведений: члены *Institut de France*, делегат от Коллеж де Франс д'Арсонваль; директор Эколь де Шартр Поль Мейер; член Французской Академии, директор Эколь Нормаль Сюперьер Эрнест Лависс; выдающийся славист, автор монументального исследования по истории России «Империя царей и русские»

¹¹ Пер. с фр. Mr Doumer fait des affaires. Il compromet l'Université dans la Finance // *L'Humanité*, le 20 février 1911 (газетная вырезка в деле: AN, AJ-16-6553).

¹² Речь идет о фонде Марселя Мосса в Коллеж де Франс. Я признателен Флоранс Терас-Риу (Florence Terrasse-Riou), директору Отдела культуры и внешних сношений Коллеж де Франс, сообщившей мне эту информацию.

¹³ AN, AJ-16-6553.

Анатоль Леруа-Болье; ректор Университета Нанси Шарль Адам; директор Эколь Пратик де От Этьюд Адольф Ландри; управляющий Школой восточных языков Поль Буйе; Луи Рео, избранный директором Французского Института в Петербурге. И, наконец, бизнесмены, чье присутствие в Комитете особенно взбудоражило левых журналистов: «ученые и политики стали заложниками шайки воротил бизнеса!» Среди последних: Гилен, президент железоплавильных заводов, Доризон от банка Сосьете Женераль, Лаффон, Дюбрей, Азария, Доссе...

Судя по откликам прессы, в начале 1911 г. договоренность о патронаже была достигнута только с Университетами Парижа и Нанси. Корреспондент газеты *Le Matin* сообщал читателям 6 января: «Я встретился сегодня вечером с г-ном Полем Думером, занятым, вместе с членами русского правительства, созданием в Санкт-Петербурге Французского института, который станет ответвлением Университетов Парижа и Нанси, и этот проект находит здесь всеобщее одобрение»¹⁴.

Выбор не случайно пал на эти учебные заведения. Конечно, элемент престижа играл свою роль: находиться под патронажем Коллеж де Франс или Эколь Политекник почетно. Немаловажно, что в Коллеж де Франс преподавали такие выдающиеся слависты как Луи Леже (Léger) и Поль Мейе (Meillet). Но в число патронов Французского института войдут и провинциальные университеты Лилля, Нанси, Дижона. И не случайно: как мы видели, они стали пионерами в преподавании русского языка во Франции. В Школе Восточных языков, кроме Буайе, русский преподавал Андре Мазон, секретарь Школы, в будущем один из известных французских славистов, сыгравший некоторую роль и в истории Французского института в Петербурге. В Лилле работал Андре Лирондель, профессор русского языка и литературы. Университет Нанси, где училось много русских студентов, тоже намеревался обзавестись кафедрой русского языка. О профессоре Легра, преподававшем в Дижоне, уже упоминалось¹⁵.

Некоторые из тех первых французских русистов вскоре окажутся в Петербурге. «Мы повстречались именно в Петербурге в 1911 г., — вспоминал А.Мазон (впоследствии – директор Института славянских исследований в Париже и член Institut de France). Три француза работали, почти бок о бок, в одном из отделов Публичной библиотеки, либо отделе печатных изданий, либо отделе рукописей: старший из нас, Андре Лирондель, преподаватель русского языка и литературы в Университете Лилля; младший среди нас, Пьер Паскаль, второкурсник Эколь Нормаль Сюперьер; и я, тогда секретарь Школы

¹⁴ Пер. с фр., газетная вырезка в деле: AN, AJ-16-6553.

¹⁵ ПФА РАН. Ф. 113, оп. 2, ед.хр. 88, л. 33.

Восточных языков, по возрасту средний из нас троих. Мы поклонялись разным богам: поэту Алексею Толстому, моралисту и дипломату Жозефу де Местру, романисту Ивану Гончарову»¹⁶.

Каким будет Французский институт в Петербурге?

«Каким будет Французский институт в Петербурге?» Напечатанная в начале 1911 г. в газете *Фигаро* статья под таким заглавием¹⁷ весьма близка по содержанию другой, опубликованной в первом номере *Bulletin de l'enseignement français en Russie* Альянс Франсез в Москве, и подписанной Полем Буайе и Адольфом Ландри, наиболее активными старателями организации Института¹⁸. Так через прессу они решили сформировать благоприятное общественное мнение еще до появления Института.

Новое учреждение должно было стать «исследовательским институтом, своего рода Высшей школой прикладной славистики, открытой для французских специалистов, которые получили образование во Франции, и число которых будет и дальше расти, с введением диплома лиценциата по русскому языку [licence de russe – В.Р.], которое скоро ожидается». Назначенные Административным комитетом пенсионеры Французского института и ученые-слависты направлялись бы в Петербург для проведения и завершения исследований. Предусматривались три секции: русского языка и литературы; истории; археологии и истории искусства. Каждая из них имела научного руководителя. Программа исследований не ограничивалась только языком и культурой России, и могла распространяться на «инородческое» население [allogène – В.Р.] Российской империи и любые славянские народы. Планировалось начать выпуск своего периодического издания под названием *Bulletin russe*, по типу *Bulletin hispanique*, издававшегося Университетом Бордо, или *Bulletin franco-italien*, издававшегося Французским институтом во Флоренции.

Во вторую очередь, Институт должен был стать информационным центром о высшем образовании во Франции, посредником между русскими университетами и координационным центром высшего образования во Франции (*Office National des Universités et Ecoles françaises de Paris*). Именно там и располагался первое время штаб будущего Института.

¹⁶ Пер. с фр. *Revue des Etudes Slaves*. Vol. 38. Mélanges Pierre Pascal. Paris, 1961, p. 7 (Avant-propos de A. Mazon).

¹⁷ Bourdon G. Ce que sera l'Institut français de Saint-Pétersbourg // *Le Figaro*, 9 février 1911, ссылка в цит. статье Medvedkova O., цит.статья, р. 415. Эта газетная статья приложена и к архивному делу о Французском институте: AN, AJ-16-6553 (листы дела не пронумерованы).

¹⁸ Boyer P., Landry A. Institut Français de Saint-Pétersbourg // *Bulletin de l'enseignement français en Russie*. N°1, pp. 22-26 ; *Bulletin de l'Enseignement Français en Russie*, №1, февраль 1911, с. 22.

Третья функция Французского Института была тщательно затушевана в статье, опубликованной во Франции. Зато она была четко обрисована в тексте, предназначенном для русского читателя. Речь идет об образовательной роли нового учреждения. Авторы проекта мыслили этот Институт и как учебный, с регулярными занятиями по разным предметам. Идея была смелой: предложить русскому слушателю обучение у французских профессоров прямо в России, в том числе и в качестве альтернативы русской системе высшего образования, еще не свободной вполне от ограничений сословного, полового, религиозного и национального характера.

Но во Франции об этом пришлось говорить вполголоса. Деканы Парижского университета дали понять, что не дадут добро на создание института, конкурирующего с Сорбонной, где немало русских студентов учились в то время (а Французский институт и должен был стать «малой Сорбонной», как об этом было заявлено в русской статье)¹⁹. Пришлось изменить план организации Института: слова об обучении в его стенах французскому были исключены из текста проекта²⁰. Впрочем, сам П.Буайе был против этой идеи. Об остальных курсах предпочли не заявлять во всеуслышание.

Проект штата Института был составлен тогда же в конце 1910 г. Полем Буайе. В директора он прочил Луи Рео. Выбор не случайно пал на него. Закончив в 1904 г. Эколь Нормаль Сюперьер, одно из самых престижных учебных заведений Франции, он сдает экзамен на право преподавания немецкой филологии. С 1906 по 1908 г. Рео учится в Школе восточных языков и, вероятно, к этому времени восходит его знакомство с П.Буайе. Ко времени назначения на пост директора Французского института Рео преподает сравнительное литературоведение в университете Нанси²¹.

Руководителем отделения русского языка и литературы должен был стать Андре Ларонд (Laronde), выпускник Политехнической Школы, в то время — лектор французского языка в Петербургском Университете, член Научного комитета

¹⁹ Note pour le Directeur de l'Enseignement Supérieure [par le vice-recteur de l'Université de Paris] AN, AJ-16-6553.

²⁰ L'Administration de l'Ecole des Langues Orientales à Monsieur le Vice-Recteur de l'Académie de Paris. Le 25 février 1911. AN, AJ-16-6553.

²¹ Карьера Л.Рео после петербургского периода его жизни была блестящей. Он защищает в 1922 г. докторскую диссертацию и с 1924 г. становится официальным лектором Альянс Франсез в США и Канаде. В то же время он редактор « Gazette des Beaux-Arts » и профессор истории искусства в Эколь Сюперьер де Севр. В 1928 г. судьба опять занесла его в Россию, в Ленинград и в Москву, где он работал над составлением каталога произведений французского искусства. С 1930 по 1938 г. Рео снова был директором Французского института, на этот раз в Вене. В 1947 г. избран членом Institut de France. Он был членом многих научных обществ и академий мира, президентом нескольких обществ, лауреатом многих научных премий, и был награжден орденом Почетного легиона и несколькими иностранными орденами, в том числе русским орденом Св. Анны. Им написано несколько десятков монографий по истории европейского и в особенности французского искусства в Средние века, в XVIII в. и в новое время.

Министерства народного просвещения Российской империи и, по уверению А.Мазона, секретарь Великого князя Николая Михайловича, выдающегося русского историка и организатора науки. Отделение истории должен был возглавить остающийся в Париже Эрнест Дени (Denis), профессор новой и современной истории на историко-филологическом факультете Парижского Университета (и будущий основатель Institut d'Etudes Slaves в Париже). Отделение археологии и истории искусства возглавлял сам Луи Рео²².

Полю Думеру за два месяца удалось создать Французский институт как учреждение, сформировать через прессу благоприятное к Институту общественное мнение, обеспечить его моральную и материальную поддержку. Именно благодаря организаторским талантам и связям будущего президента Третьей республики Французский институт стал реальностью за рекордно короткие сроки. Его финансовая база также была обеспечена стараниями П.Думера. К 22 февраля 1911 г. было собрано уже 75900 франков. Спонсорами стали крупные финансовые и промышленные учреждения, а министры народного образования, иностранных дел и финансов Франции приняли решение выделить 30000 франков в бюджете 1912 г. на деятельность этого форпоста французской науки в России. Муниципалитет Парижа тоже собирался поддержать Институт не только «пустыми словами»²³. В общем, годовой бюджет в 80000 франков в год был практически обеспечен поступлениями уже в феврале 1911 г. Поэтому организаторы надеялись, что первые лекции состоятся уже весной 1911 г.²⁴

Через русские бюрократические тернии.

Но в мае 1911 г. Французский институт все еще существовал только на бумаге. Открытие такого учреждения в России, конечно, не могло состояться без разрешения властей. Вхожий во дворец Думер заручился поддержкой самого императора. Но требовалось формальное разрешение от «компетентных органов», которые не спешили.

Министр внутренних дел, полный сознания возложенной на него функции главного охранителя, нашел, что имеются все признаки, позволяющие считать учреждение Института «одной из замаскированных попыток насаждения масонства в России». А поскольку действовать открыто на территории Империи масонство не могло, то и

²² AN, AJ-16-6553 и Revue des Etudes Slaves. Vol. 38. Mélanges Pierre Pascal. Paris, 1961, p. 7 (Avant-propos de A. Mazon).

²³ L'Administration de l'Ecole des Langues Orientales à Monsieur le Vice-Recteur de l'Académie de Paris. Le 25 février 1911. AN, AJ-16-6553.

²⁴ Bulletin de l'enseignement français en Russie. №1, p. 26.

учреждение Французского института не могло быть признано желательным. Да к тому же, писал в доказательство своей позиции министр, «масонство уже несколько лет как старается найти доступ в Империю под всевозможными личинами. Особенно настойчивые попытки были предприняты за два последние года, когда, вслед за успешной пропагандой оккультизма и других тайных наук, добивались легализации в России две видных аффилиации масонства — орден мартинистов и орден филалетов, отрeksiеся для вида от своего тайного руководительного центра — Великого Востока Франции».²⁵ По информации министра, среди учредителей — одни масоны: Думер, Леруа-Болье, Фор, Пишон... У русского министра были некоторые основания опасаться масонского влияния. В 1904 г. во Франции разразился громкий скандал: один из высоких военных чинов руководствовался указаниями Великого Востока Франции при назначении офицеров. Если министр народного просвещения все же будет настаивать на открытии Института, писал министр внутренних дел, то необходимо внести в проект устава исправления, которые сводятся к одному — все поставить под строжайший контроль органов внутренних дел: никаких новых членов Института без согласия русского правительства, никаких самовольных изменений в «учебных программах, лекциях и рефератах, командировках», никаких имущественных операций без одобрений русских властей... Но «в случае закрытия Института имущество его поступает в распоряжение одного или нескольких просветительных обществ в России». Беспокойство вызывало также намерение Института заниматься культурой «инородческих» народов Империи: «как бы деятельность Института в этом отношении не носила тенденциозного характера»! Министр народного просвещения не оценил рвения своего коллеги и отвечал сухо: о лицах, стоящих во главе Института, представлены лучшие отзывы, дополнения МВД, «имеющие целью подчинение общества особому контролю со стороны Министерства Внутренних Дел, не вытекают из научного характера данного предприятия». Но ответственность на себя брать не хотел. Решение было вынесено на Совет Министров.

Слушание состоялось только 8 марта 1912 г. Было решено, что «вопрос этот требует весьма осторожного к себе отношения, дабы в стремлении к ограждению России от масонской опасности, быть может в данном деле совершенно отсутствующей, не причинить напрасных стеснений такому бесспорно почтенному по своей идее учреждению, которое возникло по почину выдающихся представителей дружественной нам нации и, как известно, было встречено русским правительством вполне сочувственно».

²⁵ РГИА, ф. 1284, оп. 188 (1911), д. 152, л. 4.

2 апреля 1912 г. русский попечительный комитет Института, состоявший на тот момент из французского посла при русском дворе Ж.Луи, и русских министров народного просвещения и иностранных дел, выработал проект устава *Русско-Французского Общества под наименованием «Французский Институт в С.-Петербурге»*. В качестве учредителей Общества были приглашены высокие должностные лица и ученые²⁶.

Итак, русский Попечительный комитет считался учредителем *Русско-французского Общества «Французский институт в Санкт-Петербурге»*. Само Общество состояло из учредителей, почетных, действительных членов и членов-корреспондентов, а управлялось общим собранием его и советом. Совет находился в Санкт-Петербурге и состоял из пяти членов, секретаря и казначея. Средства Общества формировались из членских взносов (10 рублей ежегодно) и других поступлений. Совет давал отчет о своей работе русскому министру народного просвещения.

Структура Французского Института в Петербурге может показаться сверхсложной и запутанной. Патронаж Института осуществляли русский Попечительный комитет и ряд французских учебных и научных заведений. Они по мысли организаторов должны были «обеспечивать помещения для лекций, предпринимать любые меры рекламы [Института и его мероприятий — В.Р.], и доставлять научным лекторам инструменты и приборы для демонстраций и опытов». Коллегиальное руководство Институтom (назначение пенсионеров, штата Института, обеспечение его бюджета и т.д.) было возложено на французский Административный комитет или Совет Института, который состоял из шестидесяти членов и возглавлялся Эрнестом Лависсом, директором Эколь Нормаль Сюперьер и членом Французской Академии. Наконец, сам Институт, как научное и учебное учреждение, существовал в Санкт-Петербурге и управлялся директором, назначаемым Советом.

В такой организации была своя логика: она видится в привлечении к делу формирования Института выдающихся ученых и высших чинов России и Франции. Представительный состав должен был позволить Французскому институту эффективно выполнять свои задачи — изучения русской культуры и научного сближения Франции и России —, опираясь на широкую базу в научном и бюрократическом мире двух стран.

²⁶ Директор Государственного и Главного Архива и редактор Правительственного Вестника А.А.Горяинов, помощник директора Императорской Публичной библиотеки (и выдающийся русский историк) Н.П.Лихачев, ординарный академик Императорской Академии наук Н.П.Кандаков, заслуженный профессор Петербургского Университета А.В.Прахов, вице-председатель на тот период Французского благотворительного общества и вице-председатель Общества "Alliance Française" в Петербурге П.Дарси и Л.Рео, профессор Университета Нанси и к этому времени уже директор Французского института.

Наконец, летом 1912 г. было получено согласие на утверждение Устава от всех заинтересованных сторон — Главного управления по делам печати, Петербургского градоначальника, Департамента полиции — и 4 октября Совет министров империи на своем заседании уполномочил министра народного просвещения Кассо утвердить устав Общества.

Неизвестный, но видимо неплохо осведомленный автор письма, обнаруженного в фонде Марсея Мосса, писал, что в кабинетах «Его Величества-Вешателя» проект Думера вызвал немало нареканий, что, кажется, похоже на правду. И это несмотря на то, что «ни у кого никогда не было и мысли послать туда Лана преподавать историю либеральных идей во Франции, или Олара преподавать историю Революции или Бергсона высокую и свободную философию»²⁷. Идеи Думера, по мнению этого анонимного автора, так и не стали французскими (читай — революционными) по их духу.

Открытие Французского Института в Петербурге.

Но Институт существовал к тому времени уже почти год! Его фактическое открытие состоялось 18/31 октября 1911 г. в Русском императорском географическом Обществе. Накануне директор Института Луи Рео разослал печатные приглашения на это торжественное заседание. Их получили многие видные представители русской науки, искусства, должностные лица, журналисты... Газета *Речь*, предвосхищая это событие, писала в своем выпуске от 15 октября²⁸: «На открытие французского института в Петербурге прибывают многие известные французские ученые, в том числе академик д-р Арсонваль, ректор факультета восточных языков парижского университета проф. Поль Буаз [т.е. Буайе – В.Р.], ректор университета в Нанси Шарль Адан, проф. русского языка университета в Лилле г. Лирондель и др. [...] Для института снято помещение по Гороховой ул., д. 13, в котором находятся русско-французская библиотека и небольшой зал для чтения лекций. Приглашение на открытие французского института организационным комитетом разосланы всем членам академии наук в Петербурге, профессорам спб. университета, спб. политехнического института и других высших учебных заведений Петербурга, представителям правительства, дипломатического корпуса всех стран, прессы и др. После торжественного открытия французского института

²⁷ Пер. с фр. Коллекция Коллеж де Франс, фонд Марсея Мосса. Я благодарю администрацию архива Коллеж де Франс за предоставленные сведения.

²⁸ газ. Речь, 15 октября 1911 г.

д-р Арсонваль²⁹ прочтет публичную лекцию об электричестве в медицине и о его влиянии на различные болезни. Лекция эта будет повторена 20-го октября».

Л.Рео так описывал церемонию открытия в годовом отчете Института: «Торжественное открытие Института состоялось 31 октября 1911 г. в большом конференц-зале Императорского географического общества, под председательством г-на Панафье (Panafieu), представлявшего посла Франции, который находился в отпуске. Административный совет Французского Института был представлен вице-президентами: г-ном Шарлем Адамом, ректором Университета Нанси, доктором д'Арсонвалем, профессором Коллеж де Франс, и г-ном Полем Буайе, управляющим Школой восточных языков. Г-н Лирондель представлял Университет Лилля. Среди чрезвычайно многочисленной публики были виднейшие деятели из мира политики и высшего образования. Г-н Коковцов, председатель Совета Министров, не смог присутствовать на открытии ввиду принятого ранее обязательства, но почел должным, тем не менее, выразить нам свою симпатию поздравительной телеграммой. Русское правительство делегировало г-на Кассо, министра народного просвещения, который в речи, встреченной бурными аплодисментами, приветствовал рождение Института по-французски с большим красноречием. Г-н Поль Буайе отвечал ему по-русски. После того, как г-да Ш.Адам, Лирондель и Рео по очереди рассказали о миссии Института и о его программе, слово взял г-н д'Арсонваль, который с огромным успехом прочитал лекцию о «Применении переменного тока высокой частоты в физике и медицины»³⁰. Кто еще присутствовал на том памятном заседании? Из прессы нам известно, что среди публики была княгиня Ливен, директриса Смольного института, которая сама записалась в слушательницы новорожденного Института. Круг приглашенных можно очертить и по списку двадцати семи кандидатов в члены Французского института, предложенных Л.Рео. Среди них высшие придворные чины и должностные лица государства, депутаты Думы и члены Государственного Совета империи, высокие военные чины, выдающиеся русские ученые, представители французского истеблишмента в Петербурге³¹.

²⁹ Арсен д'Арсонваль (1851-1940), выдающийся французский медик, биолог и физик, изобретатель физиотерапии.

³⁰ Пер. с фр. Rapport sur le fonctionnement de l'Institut présenté au Conseil d'administration par M.Louis Réau, directeur de l'Institut Français de Saint-Pétersbourg. С лекцией д'Арсонваля вышел казус, о котором нам известно из письма Л.Рео к Э.Л.Радлову, по ошибке не получившему приглашение: "Позвольте мне отправить Вам билет на вторую лекцию г-на д-ра д'Арсонваля, которая состоится завтра вечером в четверг, в 8 1/2 ч., в большом зале Императорского географического общества. Надеюсь, — писал Л.Рео, что в этот раз электричество не погаснет как вчера, и что г-н д'Арсонваль сможет осуществить свои опыты". ОР ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 252, оп. 2, ед.хр. 1309.

³¹ См. приложение.

Просматривая этот список, можно подумать, что Рео при отборе кандидатов руководствовался только их высоким положением и принадлежностью к разным областям: двор, наука, государственный аппарат, армия. Но многие из них были тесно связаны с Францией и, несомненно, Л.Рео учитывал это обстоятельство.

Так, Ф.К.Авелан – адмирал русского флота, который привел русскую эскадру во Францию в 1893 г., в ответ на приход французских кораблей в Кронштадт в 1891 г. Французы радостно встречали моряков дружественной державы, и визит адмирала в Париж стал событием в истории двух стран. Торжества, организованные по этому случаю, были запечатлены в картине, заказанной Великим князем Алексеем Александровичем Л.С.Баксту. А.Бенуа вспоминал: «Бакст работал с увлечением, и тогда было сделано им много этюдов с натуры. Намеревался он создать нечто вроде массовых сцен Менцеля. На первом плане он поместил людей улицы — молодых, старых, подростков, занятых приготовлением к иллюминации; одни зажигали фонарики, другие их развешивали. Все было подернуто сизым тоном сумерек, тогда как в отдалении, мимо гигантской статуи Свободы, в свете иллюминации тянулся цуг колясок, в которых сидели адмирал Авелан и его свита»³².

К.А.Военского, начальника Архива Министерства народного просвещения, связывали с Францией научные розыскания. Дружеские и деловые отношения установились у него с А.Мазоном, будущим мэтром французской славистики, одним из первых, кто прошел стажировку во Французском институте в Санкт-Петербурге. Мазону он помог в подготовке исследования о И.Гончарове, тот в свою очередь с благодарностью послал Военскому именные экземпляры своих двух докторских диссертаций. В письмах к нему Мазон обсуждает возможность перевода книги Военского «Наполеон и его маршалы» на французский язык, подготовку выставки к столетию войны 1812 г., в которой французские архивы принимали активное участие, создание в Москве подготовительного комитета для основания музея 1812 г. и деятельность французского корреспондента этого комитета барона де Дэ (de Daye), сумевшего послать в Москву 500 ценнейших гравюр, посвященных русской кампании Наполеона. Военский публикуется во французских журналах, в 1914 г. через Мазона и Л.Рео он ведет переговоры с редактором Ревю дез Этьюд Наполеоньен о публикации списка французских офицеров, взятых в плен во время Отечественной войны. Поэтому появление К.А.Военского среди членов Французского института было совершенно оправдано, а его связями Л.Рео не преминул

³² Бенуа А.Н. Мои воспоминания в пяти книгах. Книги первая, вторая, третья. Изд. 2е доп. Москва, 1990. С. 622-623.

воспользоваться: через него в марте 1912 г. он осведомляется о судьбе устава Института. В 1914 г. Военский был награжден французским орденом *officier de l'instruction publique*³³.

Еще один кандидат в члены Института – А.А.Шахматов, выдающийся русский филолог, специалист в области фонетики, истории русского языка, русских летописей, академик Императорской Академии наук и член нескольких зарубежных академий. При избрании в члены Французского Института выбор пал на него, возможно, еще и потому, что Шахматов также поддерживал научные и дружеские связи с французскими учеными. Он состоял в переписке с русистом Андре Ларондом (который должен был возглавить отделение русского языка и литературы Французского института). Последний сообщал русскому ученому о своих профессиональных успехах и планах: в 1900 г. он назначен преподавателем русского языка в один из Парижских лицеев, изучает язык первой новгородской летописи, просит о присылке для себя и П.Мейе, известного профессора Эколь де От Этюд в Париже, изданий Российской Академии наук и трудов самого академика³⁴. Шахматов был знаком и с А.Мазоном. В 1900 г. Мазон писал ему о роли посредника, возложенной на него Пушкинской комиссией в переговорах с наследниками академика Вандаля для выяснения местонахождения архива барона Дантеса-Геккерна. Шахматов посылает Мазону и в парижскую Школу восточных языков издания Академии наук, например, академический словарь русского языка³⁵.

Был связан с Францией и другой русский академик, фигурирующий в этом списке, С.Ф.Ольденбург, востоковед-индолог, организатор науки, неперменный секретарь Петербургской Академии наук, а затем и Академии наук СССР, министр народного просвещения в 1917 г. Ольденбург состоял в переписке с уже упоминавшимся А.Мазоном³⁶. К нему обращался за консультациями и Л.Рео.

Тем более понятно включение в члены Института М.А.Стаховича, возглавлявшего другой центр французской культуры в Санкт-Петербурге – Альянс Франсез. Стахович был одним из прогрессивных политических деятелей своего времени. Это личность весьма колоритная и незаслуженно забытая: активный участник земского движения, предводитель Орловского дворянства, неперменный участник многих комиссий и земских съездов. Слава оратора и защитника либеральных ценностей закрепилась за Стаховичем после произнесенной им на съезде земцев речи о свободе совести, после чего о нем узнали

³³ ОР РНБ, ф. 152 (фонд К.А.Военского), оп. 2, ед.хр. 473, 475, 613, 840.

³⁴ ПФА РАН, ф. 134, оп. 3, ед.хр. 885.

³⁵ ПФА РАН, ф. 134, оп. 3, ед.хр. 890.

³⁶ ПФА РАН, ф. 208, оп. 3, ед.хр. 360 (письма 1924 г.).

не только в России, но и за границей. Вместе с Гучковым, Шиповым и Гейденом он основал *Союз 17-го октября*. В Думе он выдвинулся в первые ряды политических деятелей. В третью Думу он был забаллотирован, но тут же был избран в Государственный Совет, в самом конце 1907 г. Стахович был связан со многими выдающимися деятелями той эпохи, он вел переписку с С.А.Венгеровым, А.Н.Кони, М.М.Стасюлевичем, Н.Н.Ге, А.А.Шахматовым и т.д. Он — почитатель и пропагандист творчества Л.Н.Толстого и инициатор основания музея писателя³⁷.

Но большей частью члены Института «вербовались» из соображений весомости при дворе или в государственном аппарате. Связи эти казались необходимыми для продвижения благородного дела Института. Тем более, что оно не раз застревало в бюрократических рогатках. Весной 1913 г. у Французского Института еще одним патроном стало больше. Заместитель министра внутренних дел сообщил 1 мая 1913 г. градоначальнику Санкт-Петербурга, что «Государь Император, по всеподданнейшему докладу временно управляющего Министерством императорского Двора, в 20 день апреля сего года, Всемилостивейше соизволил на принятие Ее Императорским Высочеством Великою Княгинею Мариєю Павловною звания Почетной Председательницы Попечительного Комитета Французского Института в Санкт-Петербурге»³⁸.

Улица Гороховая, дом 13.

Л.Рео начал подыскивать квартиру для Института. Поиски заняли много времени, но увенчались успехом, и 1 сентября 1911 г. контракт о найме помещения в доме 13 по улице Гороховой был подписан на два года, за 3000 рублей в год.

Квартира была достаточно просторной, восемь комнат. П.Буайе был в тот период в России и одобрил выбор Рео: дом находился на пересечении Гороховой и Большой Морской, двух оживленнейших улиц Санкт-Петербурга. К тому же, в том же самом доме располагались офисы Альянс Франсез и Русско-французской торговой палаты. Но достоинства расположения уравнивались недостатками. Институт находился на четвертом этаже здания, что могло оттолкнуть часть публики: предполагалось давать платные занятия и таким образом пополнять бюджет. Помещение не вмещало всех желающих, даже конференц-зал на 80 мест оказался тесным. Лекции по истории искусства Л.Рео пришлось перенести в более просторный зал, принадлежащий Императорскому

³⁷ Галерея государственных и общественных деятелей России и третья Государственная Дума. Б.м., б.г.

³⁸ ЦГИА СПб, ф. 569, оп. 3, д. 752.

географическому обществу, чье здание расположено неподалеку, в переулке Гривцова, бывшем переулке Демидова. Но это решение было накладным.

Изучался проект постройки большого здания, в котором расположились бы управляющие органы многих французских обществ. Таковых в Петербурге было уже немало: Французское благотворительное общество, Общество взаимного вспомоществования французских жителей Санкт-Петербурга, французская больница Св. Марии Магдалины, Альянс Франсез, Франко-русская торговая палата, приют для французских гувернанток (Hôte)³⁹, Франко-русское справочного бюро и т.д. Еще больше было частных французских предприятий: Общество франко-русских заводов со своей школой и больничной кассой, Французское общество недвижимости, Французское общество Николаевских заводов и верфей, французские рестораны, например, ресторан Дорота и «Контан», торговые фирмы, например, «Шопен и Берто», французское общество страхования жизни «Урбэн», Товарищество французских маслобоек, парфюмерные магазины таких домов как «Брокар» (Brocart), одной из крупнейших парфюмерных фирм России, основанной французской семьей, переселившейся в Россию в 1860-х гг. И многие другие: французские химические предприятия, например, завод Мейсонье, кирпичные заводы Л.Ресье, карбидный завод К.Ширлена и лесопильная фабрика «Голлбард», завод «Русский Рено» и склад скипидара А.Балласа, всех трудно перечислить⁴⁰. Однако прошло время, и идея большого дома для французских учреждений была похоронена, а с началом войны вопрос был вообще снят с повестки дня.

Эпоха Рео во Французском институте в Петербурге.

За первый год существования Института пять исследователей получили его стипендии. Дюшен (Duchesne) работал в Петербурге над переводом и комментариями к Стоглаву, сборнику решений Соборов 1547 и 1549 гг. Ранее он защитил диссертацию о М.Ю.Лермонтове. Секретарь Школы восточных языков Мазон собирал неизданные материалы о жизни и творчестве русского романиста И.А.Гончарова. Поиски повели его в Москву, Калугу, Симбирск. Вскоре Мазон защитил свою диссертацию в Сорбонне и его

³⁹ Директора Французского института приглашали стать членом дирекция этого приюта, наряду с президентами Французского общества взаимопомощи и Французского благотворительного общества. Архив МИД Франции, Париж, Correspondance politique et commerciale, т. 129, л. 250-251.

⁴⁰ Часть сведений о французских предприятиях в Петербурге начала XX в. мне сообщила А.Аширметова, которой я выражаю свою благодарность. См. также Jubilé d'or, Société Brocart et Co, Moscou, [б.г.]; Архив МИД Франции, Париж, Correspondance politique et commerciale, т. 129.

труд был напечатан в серии *Библиотека Французского института в Санкт-Петербурге*⁴¹. Болие (Beaulieux) только на два месяца приехал в Россию, чтобы собрать материал для изучения эволюции форм склонения в русском языке. Мансуй (Mansuy), преподаватель французского языка в Варшавском университете, употребил время стажировки во Французском институте на изучение вопроса о французских органах управления на Западе Российской империи в 1812 г. Эберсолт (Ebersolt) был поглощен своим исследованием о памятниках русского искусства XI-XVI вв. и, в особенности, византийским влиянием в древней русской архитектуре. Материалом ему послужили церкви Новгорода и Пскова. Но он также занимался преподаванием и вел в Институте курс о средневековом Константинополе, в котором он отводил большое место влиянию Византии на русскую культуру.

Результаты этих и других исследований о России и русской культуре решено было публиковать в отдельной серии. Она была основана в Париже 30 марта 1912 г. в силу договора, заключенного между Эрнестом Лависсом, директором Эколь Нормаль Сюперьер и президентом Административного бюро Французского института в Санкт-Петербурге, и издателем Оноре Шампьоном. Обращение к Шампьюну не было случайным: он издавал серию трудов Французского института во Флоренции, начатую в 1909 г.; его издательство было с ощутимым «русским» уклоном: с середины XIX в. в нем выходили книги по истории России, издания русских источников и т.д. Первой же в серии *Bibliothèque de l'Institut Français de St.-Petersbourg*, в 1912 г., вышла книга Ж.Патуйе, второго директора Французского института⁴².

В Институте было организовано два отделения: истории французской литературы и истории культуры и искусства. Г-н Каминад (Caminade) читал курс о французском романе XIX в. и вел практические занятия по анализу литературных текстов. Мадемуазель Тольмер (Tollemér) читала лекции с феминистским уклоном: историю женского образования во Франции и курс классической литературы XVII в. (с упором на роль женщин-писательниц и женщин-покровительниц искусств). Луи Откер (Hautecoeur), в будущем выдающийся историк архитектуры и непременный секретарь Академии изящных искусств, а тогда молодой выпускник Французской школы в Риме, читал курс о французском обществе и французском искусстве XVII века и вел занятия по анализу

⁴¹ Mazon A. Un maître du roman russe Ivan Gontcharov, 1812-1891. Paris, Librairie ancienne Champion, 1914 (Bibliothèque de l'Institut Français de Saint-Petersbourg, t. III).

⁴² Patouillet J. Le théâtre des mœurs russes des origines à Ostrovski (1672-1750). Par J. Patouillet, dr. ès lettres, professeur de première au lycée Michelet. Paris, H. Champion, 1912 (Bibliothèque de l'Institut Français de Saint-Petersbourg, t. I).

текстов французских авторов XVIII в., прежде всего Монтескье. Откер вел одновременно и исследовательскую работу, собирая материал для своей работы о творчестве иностранных, прежде всего французских архитекторов, в Петербурге в XVIII в. Его труд также появился в серии Французского института в 1912 г.⁴³

Публика, ходившая на лекции в Институт, была главным образом женская (в 1911 г. из 157 слушателей Института 120 были женщины). По мнению Л.Рео, французский язык (а все занятия велись по-французски) был распространен среди женщин в России гораздо больше, чем среди мужчин. Открывшиеся в 1912 г. курсы общества Альянс Франсез в Петербурге были женскими! Дневные занятия в Институте посещали, как правило, женщины «света», вечерние – студентки и преподаватели.

Студенты выразили желание изучать историю языка. И в 1912 г. в программу действительно был включен курс истории французского языка, который читал Ансельм Лоранс (Laurence), преподаватель Смольного института. Каминад читал в 1912-13 гг. курс «Вольтер и его время», вел занятия по переводу, мадемуазель Тольмер (Tollemet) преподавала историю французского театра XIX в. и европейскую литературу Средних веков и эпохи Возрождения, Откер – историю Парижа, а Рео вел занятия по современному французскому искусству и истории франко-русских отношений в области искусства. Энергия этого тридцатилетнего историка была неисчерпаема: при огромной занятости делами управления Института, он вел научные исследования и подготовил целый ряд научных публикаций⁴⁴.

15 октября 1911 г. газета *Речь* писала: «При институте будет образовано специальное справочное бюро для русской молодежи о программах и условиях поступления в различные французские университеты и технические высшие учебные заведения». Это предшественник *centre de ressources*, существующего во Французском институте сегодня. В то время в бюро собиралась информация только о системе высшего образования во Франции. Это не случайно: главной задачей бюро, как ее определил Л.Рео, было привлечь русского студента в высшие учебные заведения Франции и дать бой немецким университетам. Слушатели могли заниматься в библиотеке Института: в их распоряжении было около двух тысяч книг и несколько тысяч фотографий произведений искусства, собранных, скорее всего, стараниями Л.Рео.

⁴³ *Hauteceur L.* L'architecture classique à Saint-Petersbourg à la fin du XVIII siècle. Paris, Librairie Honoré Champion, 1912. (Bibliothèque de l'Institut Français de Saint-Petersbourg, t. II).

⁴⁴ Даже если не учитывать статей, в 1910-х гг. вышли его книги: *Réau L.* Les Musées de Saint-Petersbourg. Paris, Laurens, 1912 ; *Réau L.* Saint-Petersbourg. Paris, H. Laurens, 1913 (Villes d'art célèbres).

Многие сетовали на то, что Французский институт не выдает никакого диплома, поэтому вводились экзамены для оценки успехов обучения, по результатам которых студентам давался диплом Института. Л.Рео убеждал Административный совет, что эта мера не уменьшит приток русских студентов во французские университеты, а наоборот побудит многих продолжить образование во Франции.

Помимо лекционных курсов и практических занятий, слушателей радовали лекциями заезжих знаменитостей. В первый год приглашения приняли профессор Коллеж де Франс пионер электротерапии Арсен д'Арсонваль, директор Люксембургского национального музея Луи Бенедит, французский хирург, специалист по изучению рака и методов его лечения Пьер Дельбе, один из основоположников современной нейрологии Жан Мартен Шарко и профессор Парижского Университета, историк творчества Вагнера и вагнеризма Анри Лиштенберже (d'Arsonval, Bénédite, Delbet, Charcot, Lichtenberger).

Комитеты Альянс Франсез в России, прежде всего московский и петербургский Альянсы, попросили руководство Института организовать лекции и для их членов. Это предложение было тем более охотно принято, что Французский институт изначально хотел широко развернуть свою деятельность. И их сотрудничество было весьма успешным. Анри Лиштенберже выступил в свой приезд в 1911 г. и для публики петербургского Альянса. В конце 1911 - начале 1912 г. Каминад, Рео и Бенедит прочитали лекции для Альянс Франсез в Москве. Каминад говорил о Верлене, Рео рассказывал о творчестве Родена. Весной в Москве побывал и Анри Лиштенберже, прочитав лекцию на тему «Ницше и Франция». В октябре 1912 г. в помещении реформатской школы Откер прочитал в пользу петербургского Альянса лекцию о Грезе и жанровой живописи в XVIII в. При новом директоре Жюле Патуйе эта традиция будет сохранена. В ноябре 1914 г. выступил сам Патуйе на тему "Франция при встрече с войной". Сбор от той лекции пошел в фонд помощи раненым солдатам русской армии, организованный французским землячеством Петрограда.

Сто лет французского искусства

Помимо лекций, в первый год своего существования Французский институт организовал только одно культурное мероприятие. Но оно стало крупнейшим событием в культурной жизни Санкт-Петербурга в 1912 гг. Речь идет о выставке «Сто лет французского искусства (1812-1912)».

Идея этой выставки пришла Л.Рео, который со свойственной ему энергией взялся за ее осуществление. Рео провел переговоры с крупным петербургским журналом *Аполлон*, который согласился поддержать это начинание. Директор Французского

института обращается к коллекционерам французского искусства с просьбой выставить произведения из их коллекций в Петербурге. Большую помощь в подготовке выставки оказали русские искусствоведы. Не к этому ли времени восходит близкое знакомство Рео с Александром Бенуа⁴⁵? Рео был также тесно связан с другим выдающимся русским искусствоведом, бароном Н.Н.Врангелем⁴⁶. 14 октября 1911 г. (то есть еще до открытия Французского института!) Рео пишет барону письмо: «Постарайтесь повидать до Вашего отъезда князя Туревича, атташе посольства России в Париже, который находится в Петербурге с этого утра (15 Литейный, у мадам Шуазе). Он очень интересуется нашим проектом и поскольку он близко знаком с Роденом, Бенаром, Ренуаром и многими другими художниками, он мог бы нам оказать большую услугу. Ж.Луи, посол, должен провести переговоры с гг. Метманом и Кешлином по поводу нашей выставки»⁴⁷. Удалось заручиться поддержкой Великого князя Николая Михайловича, который также коллекционировал французское искусство. Он согласился дать выставке свое покровительство. Князь Юсупов граф Сумароков-Эльстон, имя которого мы находим в числе кандидатов в члены Института, тоже оказал большую услугу, предложив свой дом на Литейном проспекте для организации выставки.

Больше всего произведений предоставили парижские коллекционеры. Русские коллекционеры выставили немало интересного: картины дали для выставки А.Бенуа, П.П.Вейнер, В.А.Верещагин, гр.И.И.Воронцов-Дашков, бар. Н.Е. и Н.Н.Врангель, св.кн. М.К.Горчаков, гр. А.А.Голенищев-Кутузов, П.В.Деларов, герцог Н.Н.Лейхтенбергский, С.К.Маковский, Вел. кн. Николай Михайлович, гр. С.В.Панина, К.А.Сомов, гр. Д.И.Толстой, кн. Ф.Ф.Юсупов граф Сумароков-Эльстон, М.И.Чайковский и другие. Поступили картины из французских музеев: Люксембургского, Версальского, Отеля Инвалидов, музея Гренобля, и из целого ряда русских императорских дворцов: Зимнего, Большого Царскосельского, Гатчинского, Елагинского и Петергофского. Трех интересных Коро предоставил музей в Пензе. На выставке был отдел, посвященный французам, работавшим в России, который украсила целая серия любопытных картин А.Ладюрнера,

⁴⁵ А.Бенуа и позже проявлял интерес к Французскому институту: в его фонде (ф. 137, ед.хр. 2055) в Русском музее есть материалы о деятельности Института. Рео напишет некролог А.Бенуа: *Réau L. Alexandre Benois (1870-1960)* // *Revue des Etudes Slaves*, XXXVII, 1960, p. 116.

⁴⁶ Ряд писем Рео к бар. Врангелю хранится в отделе рукописей Института русской литературы (ОР ИРЛИ, ф. 60 (Врангель Н.Н.), ед.хр. 6889). В этих письмах речь, в частности, идет о подготовке Л.Рео исследования о французском скульпторе Гудоне.

⁴⁷ Пер. с фр. ОР ИРЛИ, ф. 60, ед.хр. 6889, № 1.

поступивших из полковых собраний лейб-гвардии Конного, Егерского, Павловского и Семеновского полков⁴⁸.

Вот что писал об этом журнал *Аполлон*: «Устройство помещения было поручено арх. Г.К.Лукомскому, и все комнаты были устроены в соответствующем картинам стиле. В верхнем этаже были размещены картины Давида и его школы, барбизонцы и поколение 1830, импрессионисты, романтики, реалисты, художники, работавшие в России, миниатюристы, а также отдел гравюры и литографии. В нижнем этаже разместились: Гюстав Моро, рисунки, современные художники, вышивки г-жи Ори Робен, Гоген и Сезанн. На выставке было 979 произведений, не считая предметов убранства и мебели».⁴⁹ Заслуга этой выставки состоит главным образом в том, что она представила и целый ряд современных французских художников: Мане, Ренуар, Редон, Пюви де Шаванн, Сезанн, Гоген, художники движения Наби (круг Мориса Дени), фовисты, Роден и Майоль, и т.д.⁵⁰ Успех экспозиции был отмечен и в российской и в зарубежной прессе, несколько изданий воспроизвели целый ряд полотен выставки, вышли серии открыток с репродукциями картин и т.д. Выставка продлилась с 17 января по 18 марта, приняв около 35 тысяч посетителей, цифра огромная для того времени. Тем более, что в то же самое время в Петербурге работала выставка художников объединения *Мир искусства*, с успехом прошедшая до этого в Москве. Весь доход был направлен в «Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины». По оценке Л.Рео, речь шла о «самой большой выставке французского искусства когда-либо осуществленной за границей» [то есть за пределами Франции – В.Р.] и тем более самой крупной выставкой такого рода в России. Радость успеха была тем приятнее, что это событие стало первым плодом тесного сотрудничества Франции и России в области культуры. Важность общественного резонанса была еще и в том, что до утверждения устава Института ему возбранялась любая форма саморекламы. Успех предприятия, организованного Французским институтом, обратил на него внимание русской публики.

Французский институт организовал экскурсии по залам Юсуповского дворца для более близкого знакомства русской публики с тенденциями в современном французском искусстве. Л.Бенедит (Bénédite), хранитель Люксембургского музея⁵¹, прочитал две

⁴⁸ См. об этом подробнее ж. *Аполлон*, СПб., 1912.

⁴⁹ ж. *Аполлон*, СПб., 1912.

⁵⁰ *Сарабьянов Д.* Иностранные мастера на выставках «Бубнового валета» и других художественных объединений начала XX века // Русские художники «Бубнового валета» от Сезанна до авангарда, каталог выставки. СПб., 2004.

⁵¹ И автор исследований о творчестве Родена, Пюи де Шаванна, Моро, Курбе, Фантена-Латура и т.д.

лекции о развитии французской живописи в XIX в. В театре Юсуповского дворца был дан концерт французской музыки.

Война

Л.Рео покинул Французский институт в 1913 г. На его место был назначен Жюль Патуйе, исследователь творчества Островского. В 1912 г. Патуйе заканчивает диссертации на степень доктора филологии, преподает русский в одном из парижских лицеев и ведет курс русского языка в Сорбонне. Он переписывается с известным русским писателем А.М.Ремизовым, который регулярно посылает Патуйе свои произведения. Патуйе пишет Ремизову, что в его доме «всегда рады русским». Из его писем мы знаем, что он должен был побывать в Петербурге в конце лета или осенью 1912 г.

Вместе с ним в Петербург прибыли новые молодые силы: преподаватели Фериз и Рауль Лабри (Ferize, Labry), затем Шарль Рише (Richet). Из старых кадров в Институте оставались Откер, Каминад, и заместитель директора – виконт Анри де Вогюэ (de Vogüé), сын члена Французской Академии Южена-Мелькиора де Вогюэ, первого крупного исследователя русской литературы во Франции, открывшего французам Достоевского и Толстого. Планы были наполеоновские. Институт широко рекламировал свой трехлетний «методический курс французского языка и французской культуры», который включал целую палитру предметов: грамматика, перевод, фонетика, практические упражнения в языке, упражнения в стиле, латинский язык, полный курс французской литературы, анализ современной французской прозы, история искусства и даже курс дикции, для которого, как в эпоху Екатерины Великой, был специально приглашен актер французской труппы Михайловского театра... Открытие нового учебного года 30 сентября (по старому стилю) решили отметить скромно, но пригласив многих выдающихся представителей русской культуры и науки: академиков Петербургской Академии наук, профессоров Санкт-Петербургского университета.

Но Институту не хватало средств. Недаром из года в год повышалась плата за обучение и практиковавшаяся в первый период филантропия (снижение платы или даже освобождение от нее) была едва ли возможна теперь. Не в этом ли причина быстрого ухода Л.Рео с поста директора Института? Возможно, Рео понял, что в условиях, когда Французский институт вынужден зарабатывать на жизнь, нельзя надеяться на достижение целей, ради которых он создавался. Трудности, вызванные неопределенным, получастным-полугосударственным характером заведения, только усугубились в период войны. Р.Лабри писал о Французском институте как о звении «призванном, по мысли основателей, поставлять славистов в наши университеты, так как Афинская школа

поставляла эленистов», но в реальности Институт был «бедной дочкой без приданого, обделенной, которую Сорбонна не признавала, а Школа восточных языков недолгоблывала»⁵².

Началась война. Р.Лабри вспоминал: «Война забрала у Института троих преподавателей: Фериза, убитого в Шампани, Каминада, убитого в Лотарингии, и меня, потерянного в Албании в рядах агонизирующей сербской армии во время отступления 1915 г. Директор Патуйе, один из любимых учителей, один из тех, кто лучше всего знает секреты русского языка, остался один, взвалив на себя уже и без того тяжелую задачу упрочить созданные им связи между русским и французским высшим образованием»⁵³. Институт практически перестал играть роль центра славянских исследований и центра французской культуры, а стал орудием пропаганды в военное время. Патуйе и его жена были вынуждены распространять брошюры и книги французского «Дома прессы», созданного в Петрограде для укрепления в союзниках дружеских настроений к Франции. Удалось уговорить более сорока газет, выходящих в Петрограде, Москве и в провинции, печатать время от времени статьи о Западном фронте, о французской армии и ее борьбе. В 1916 г. Лабри был послан на замену Патуйе, здоровье которого окончательно расшаталось. Только в конце 1916 г. в Институт прибывают два новых преподавателя: Вигье (Viguer), агреже по философии, и Альфред Фишель (Fichelle), агреже по истории и географии.

Русско-французское научное сближение

Новое дыхание Французскому институту придали инициативы нескольких русских и французских ученых, за которые Патуйе ухватился как утопающий за соломинку. В 1916 г. появляется статья члена-корреспондента Академии наук элениста М.И.Ростовцева о необходимости научного сближения европейских стран⁵⁴. Стараниями Патуйе эта статья имела большой резонанс во Франции. П.Буайе оценил инициативу Ростовцева, а Э.Дени проанализировал статью в журнале *Ля Насьон Чек*. Патуйе познакомил с предложениями русского ученого французского директора высшего образования и комитет *Франция-Россия*, который только что был создан сенатором, мэром Лиона Эрио (Herriot). Одновременно в России университеты Петрограда, Москвы и Харькова принимают решения в направлении научного сближения с союзными странами.

⁵² Пер. с фр. Labry R. Autour du Bolchévisme. Cahors, 1921, p. 68.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Русская мысль, 1916, №3, с. 74-81.

В Петроградском университете происходит обсуждение проекта сэра Бьюкенена, английского посла в России, и Ростовцев требует, чтобы более тесные научные связи были установлены не только с Англией, но и с другими союзниками России, с Францией, прежде всего.

Комитет *Франция-Россия* настолько был заинтересован новыми веяниями в России, что посвятил этому вопросу отдельное заседание 4 октября 1916 г. На нем присутствовали французский министр просвещения и директора начального, среднего и высшего образования. Были произнесены горячие слова в адрес русской науки, и было решено направить в Россию французскую миссию, с целью найти пути сближения ученых двух стран. Одновременно было высказано предложение принять во Франции аналогичную делегацию российских ученых и заложить основы обменов между университетами двух стран. 10 октября Патуйе получил от министра просвещения официальный мандат подготовить пути для организации обеих миссий. Патуйе обещал Ростовцеву следовать обозначенной им процедуре и обнадеживал его, что будет возможность избрать видных русских ученых членами-корреспондентами в Институт Франции. Комитет *Франция-Россия* назначил Патуйе своим генеральным представителем по научным связям с Россией. Роль Французского института неожиданно повышалась, и встал вопрос о его реформировании.

В конце 1916 г. Патуйе пытается любыми способами упрочить контакты с русскими учеными и русскими учебными заведениями. В декабре он пишет письмо члену-корреспонденту Академии наук В.М.Алексееву, одному из тех, на кого легла работа по подготовке юбилейного издания, посвященного императору Александру II: Патуйе предлагает юбилейному комитету помощь Института в переводе текстов на французский язык. Проезжающий через Петербург китаист Сегален (Segalen) находит приют во Французском институте, и Патуйе спешит свести его с его коллегой В.М.Алексеевым, которого приглашает отобедать в компании Сегалена, Витри, Шассинье и преподавателя Французского института Фишеля (Vitry, Chassigneux, Fichelle). Патуйе охотно принимает на себя роль связующего звена между русскими и французскими учеными. Через него академик историк А.С.Лаппо-Данилевский, готовящий международный конгресс в Петрограде, связывается с Парисом (Pâris), директором Французского института в Мадриде, и Люшером (Luchaire), директором Французского института во Флоренции. Французский институт в Петрограде готов был принять активное участие и в подготовке Петроградской Академией наук коллективного труда о русской науке за два века ее существования под редакцией Лаппо-Данилевского. Планировалось выпустить эту книгу на русском и французском языке. Патуйе не устает благодарить Лаппо-Данилевского за

«неоценимые чувства симпатии, которые Академия наук в Вашем лице и в лице нескольких Ваших коллег, свидетельствует Французскому институту». Лаппо-Данилевский награждается в 1916 г. орденом Почетного Легиона: «Французское правительство хотело таким образом отметить выдающееся место, которое Вы занимаете в русской науке, Ваше расположение и Ваш доброе отношение к Французскому институту и его директору», писал академику Ж.Патуйе 29 октября 1916 г. На Историко-филологическом факультете Петроградского университета почести были оказаны и директору Французского института. Предвосхищая это событие, Патуйе писал Лаппо-Данилевскому: «Я заранее благодарю Вас за все, что Вы сможете сказать в мою пользу, чтобы официально установить первую связь между университетами наших двух стран»⁵⁵.

Однако приезд французской миссии в Россию заставил себя ждать. Только летом 1917 г. идея, выдвинутая Ростовцевым, была снова оживлена двумя французами: Е.Авенардом, керамистом, и Ж.Мальфитано, заведующим лабораторией в Институте Пастера в Париже⁵⁶. 24 июля / 6 августа 1917 г. во Французском институте в Петрограде состоялось заседание всех заинтересованных лиц, русских и французов, на котором было решено объединить усилия. Момент был, казалось, совсем неподходящий для подобных инициатив. Из писем жены Ж.Патуйе Луизы нам известно о бедственном положении, в котором находилась в то время даже семья директора Французского института: пол-фунта хлеба в день, мясо стоит баснословных денег...⁵⁷ Французский институт постепенно превратился в место встреч русских и французских работников науки, преподавателей, и людей других профессий, которых привлекала идея сближения двух стран, особенно на почве научных контактов.

Возникло предложение основать Русский институт в Париже. Своих целей Институты – Русский в Париже и Французский в Петрограде – добьются научным сотрудничеством, воспитанием умов в духе согласия, который должен стать стержнем Сообщества наций, обмена всеми достижениями в области мысли. Научное сотрудничество двух стран даст импульс рождению более совершенных произведений, представители каждого народа привнесут в научный поиск особенности своего национального гения. Результатом такого сотрудничества будет и лучшее взаимопонимание между народами. Участники собраний пришли к мнению о

⁵⁵ ПФА РАН, ф. 820, оп. 3, д. 611, л. 1-2 об.

⁵⁶ ПФА РАН, ф. 113, оп. 2, д. 88, л. 1-14.

⁵⁷ ОР ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, ед.хр. 200 (Письма Луизы Францевны Патуйе Анастасии Николаевне Чеботаревой, 1915-1917 гг.).

необходимости создания специальной библиографической службы, которая занималась бы учетом научных публикаций в России и во Франции. Кроме того, признавалась необходимость печатать лучшие работы русских ученых по-французски и работы их французских коллег по-русски. Важно было предложить французским ученым резюме научной деятельности их русских коллег по каждой области. Именно такую работу и должен был бы взять на себя Французский институт. Способом привлечения русских ученых к этому делу могла послужить большая французская библиотека при Французском институте, содержащая новейшие научные публикации и периодические издания, выходящие во Франции. На заседании 24 августа / 8 сентября 1917 г. присутствовали академики Ростовцев и Лаппо-Данилевский и, по некоторым сведениям, французский посол в России Нуланс (Noulens). Были одобрены предложения академиков начать обмен диссертационными работами, изучить вопрос о поставках французских книг в Россию и посылке каталогов, которые бы позволили русским ученым иметь представление о научной продукции во Франции в военное время. Директор Патуйе рассказал об осуществлении проекта публикации по-французски *Официальных Актов Русской Революции*, что должно было способствовать знакомству с русской наукой и русской революцией за границей. Таким образом, считал Патуйе, Французский институт возродит традицию, существовавшую между двумя странами в восемнадцатом столетии, но забытую и угасшую с тех пор. Патуйе, Авенард и Мальфитано стали наводить контакты с комиссиями для изучения реформ, назначенными Временным правительством и Думой.

Для основания Русского института в Париже необходимо было отправить во Францию делегацию русских ученых. С этим предложением намеревались обратиться к министру просвещения Временного правительства. 7 октября 1917 г. на заседании Общего собрания Академии наук обсуждалось письмо Ростовцева, находившегося в то время за границей, о намерении создать в Париже Русский институт и о «желательности большего сближения русских научных кругов с французскими». Конференция Академии наук попросила академиков А.С.Лаппо-Данилевского, С.Ф.Ольденбурга и М.Н.Ростовцева представлять Академию на созываемом Министерством народного просвещения совещании по вопросу учреждения в Париже Русского института.

В самый разгар революционных событий во Французском институте все еще организуются лекции и публичные обсуждения. В октябре 1917 г. с лекцией на тему «Русская душа. Взгляд католика» выступает Пьер Паскаль⁵⁸, в будущем известный

⁵⁸ На том заседании присутствовали уже упомянутые актеры русско-французского научного сближения Авенар, Мальфитано, Патуйе и т.д. Пьер Паскаль выделил три главных черты в русской душе: солидарность, неопределенность и стремление к абсолюту. П.Паскаль был весьма близок к чете Патуйе в это время. *Pascal P. Mon journal de Russie, 1916-1918. Lausanne, L'Age d'Homme, 1975. P. 233-237.*

исследователь раскола, русской истории и литературы. Он был включен в состав Института еще в июне 1916 г. Но, увлеченный ходом революционных событий в России, большевик и христианин Пьер Паскаль чувствовал себя несколько чужим в атмосфере огалтелой пропаганды военного времени. Он писал в своем дневнике: «Я узнаю в посольстве, что г-н Патуйе прикрепляет меня к Институту, работа куда более достойная агреже университета. Но странно, как я далек теперь от университетского мышления. Второе бюро, пропаганда Шевии, пропаганда Патуйе во Французском институте: живым мне из этого не выбраться». 7 октября Паскаль был приглашен на чай к Патуйе, разговор шел о создании Русского института в Париже, об издании тома *Русская наука*, ему поручают перевод главы о теологии⁵⁹.

Но вскоре трудности задели и этот уголок, в котором так долго думали и мечтали о сближении двух народов. В 1918 г. директор Французского института и половина его штата – один из двух преподавателей – отправляются в Москву по распоряжению посла Франции в России. Посол находился в Вологде, но тоже собирался перебраться в Москву, «более по необходимости, чем из удовольствия», пишет Патуйе. Только в 1919 г., следуя приказу и Парижа, Патуйе со своими сотрудниками окончательно покидает советскую Россию⁶⁰.

Конец Французского института

Проектам научного сближения двух стран уже не дано было исполниться, во всяком случае, в ближайшем будущем. Вопрос о посылке во Францию делегации русских ученых уже не поднимался. Находившийся официально в командировке, а фактически в эмиграции академик Ростовцев пытался делать что-то для осуществления идеи создания Русского института в Париже и в Лондоне. Ростовцев, совместно с другими русскими эмигрантами П.Н.Милюковым, П.Б.Струве и т.д., основывает в Англии *Russian Liberation Committee*, выпускает бюллетень *The New Russia*.

В конце июня 1919 г. Ж.Патуйе – директор Института в изгнании – вызывает Ростовцева в Париж. Совместно с комитетом *Франция и усилия союзников* Патуйе организует его поездку на юг Франции. Целью поездки было, с одной стороны, осведомление широкой публики и, в первую очередь, университетских преподавателей о положении дел в России, с другой стороны, «установление контакта с университетами Франции для организации в широком масштабе дела научного сближения и для

⁵⁹ Pascal P., цит.соч. С. 38, 226.

⁶⁰ ПФА РАН, ф. 113, оп. 3, д. 280, л. 9.

подготовки почвы для деятельности Русского института в Париже»⁶¹. Но ни средств, ни полномочий на осуществление этой идеи у Ростовцева не было. Научное сближение в пределах стран Антанты тем не менее происходило: Парижская Академия стала инициатором создания Союза Академий, в котором было две секции, точных наук и гуманитарных, два съезда первой секции состоялись в 1919 г. Но Россия не была на них представлена.

Французский институт перестал существовать как исследовательское и учебное учреждение. В 1926 г. П.Буайе, один из основоположников Института, в статье, посвященной научным связям между Францией и Россией⁶², высказал пожелание, чтобы Французский институт возобновил свою деятельность в России, в Ленинграде, но этим надеждам не суждено было сбыться. Сотрудники и стажеры Института продолжили работу по научному сближению со славянскими странами – залог жизнеспособности для французской славистики. Ж.Патуйе участвовал в 1920 г. в основании Французского института в Праге. Там же мы встретим и Альфреда Фишеля, преподавателя Французского института в Петрограде. Он будет заместителем директора и, в 1937-39 гг., директором Французского института в Праге, генеральным секретарем Федерации Альянс Франсез в Чехословакии. Андре Мазон, в числе первых стажировавшийся во Французском институте в Петербурге, стал одним из основателей и секретарем *Французского комитета по научным связям с Россией*, а позже директором *Института славянских исследований* и членом *Institut de France*. Несмотря на свою интенсивную научную деятельность, он немало времени и усилий тратил на дело научного сотрудничества Франции и России, теперь уже СССР. Во многом благодаря ему несколько известных ученых из СССР побывали в командировках во Франции: Щерба, Алексеев, Марр, Ольденбург и т.д. Комитет по научным связям с Россией постоянно посылал французские научные издания в библиотеки Советского Союза, Академия наук СССР, в лице старых знакомых А.Мазона, в частности, академика Ольденбурга, пополняла фонд библиотеки Института славянских исследований. А.Мазон занимался также и продолжением издания *Библиотеки Французского института в Петербурге*, виртуально перекочевавшей из Петербурга в Петроград, а затем и в Ленинград, и превратившейся, наконец, в *Библиотеку Института славянских исследований*. Хотя Института уже не было в

⁶¹ Цитата из письма Ростовцева, цит. по: *Бонгард-Левин Г.М.* Научная командировка или эмиграция? Два года в Англии. // Скифский роман. Под общей ред. акад. РАН Г.М.Бонгард-Левина. С. 125.

⁶² *Boyer P.* Les relations scientifiques entre la France et la Russie // *Revue du mois scientifique*, 172, avril 1926. P. 199-200. Мы благодарим О.Медведкову, указавшую нам на этот источник. См. ее статью: *Medvedkova O.*, цит.соч.

границах бывшей России, он не сразу прекратил своего существования как учреждение. Формальная ликвидация *Французского института в Ленинграде* произошла только в 1950-е гг.

Приложение

І. РНБ, ОР, Ф. 152 (К.А.Военский), оп. 2, ед.хр. 840, л.11-12.

Список представленных профессором Рео лиц в члены Французского Института в С.-Петербурге.

- 1.Князь Абамеле-Лазарев Семен Семенович, шталмейстер Высочайшего Двора (Миллионная, 22).
- 2.Авелан Федор Карлович, адмирал, генерал-адъютант (Надеждинская, 36-38).
- 3.Брянчанинов Александр Николаевич (Большая Монетная, 11).
- 4.Дерюжинский Владимир Федорович, действительный статский советник, профессор Императорского Санкт-Петербургского Университета (Троицкая, 25).
- 5.Извольский Петр Петрович, действительный статский советник, Член Государственного Совета (Сергиевская, 55).
- 6.Князь Кочубей Виктор Сергеевич, генерал-лейтенант, начальник Главного Управления уделов (Фурштадская, 24).
- 7.Князь Мещерский Федор Николаевич, флигель-адъютант Е.И.В. (Царское Село).
- 8.Граф Мусин-Пушкин Александр Алексеевич (Сергиевская, 20).
- 9.Ольденбург Сергей Федорович, действительный статский советник, секретарь Императорской Академии наук (Университетская наб., 5-1).
- 10.Граф Олсуфьев Дмитрий Адамович, Член Государственного Совета (Фонтанка, 14).
- 11.Орлов Иван Давыдович, полковник, флигель-адъютант (Галерная, 75).
- 12.Граф Орлов-Давыдов Алексей Алексей Анатольевич, Член Государственной Думы (Английская наб., 20).
- 13.Граф Перовский Михаил Михайлович, Камергер Высочайшего Двора (Сергиевская, 55).
- 14.Граф Сюзор Георгий Павлович, действительный статский советник, президент Общества архитекторов и художников (В.О. Кадетская, 21).
- 15.Барон Шиллинг Маврикий Фабианович, начальник канцелярии Министерства иностранных дел (Дворцовая пл., 6).
- 16.Шокальский Юлий Михайлович, генерал, вице-президент Императорского географического Общества (Торговая, 27).

- 17.Князь Святополк-Мирский Петр Дмитриевич, флигель-адъютант (Сергиевская, 24).
- 18.Барон Таубе Михаил Александрович, Товарищ Министра Народного Просвещения.
- 19.Граф Толстой Дмитрий Иванович, директор Императорского Эрмитажа (Дворцовая наб., Эрмитаж).
- 20.Военский Константин Адамович, начальник Архива Министерства Народного Просвещения.
- 21.Князь Васильчиков Борис Александрович, действительный тайный советник, шталмейстер, Член Государственного Совета (Морская, 49).
- 22.Князь Юсупов Феликс Феликсович, генерал-майор Свиты Е.И.В. (Мойка, 94).
- 23.Граф Шереметев Сергей Дмитриевич, Член Государственного Совета (Фонтанка, 34).
- 24.Шахматов Алексей Александрович, академик Императорской Академии наук (Университетская наб., 5-1).
- 25.Маркиз Лагиш, генерал, военный атташе при французском посольстве в Санкт-Петербурге (Английская наб, 34).
- 26.Граф Шамбрэн, секретарь французского посольства в Санкт-Петербурге (Французская наб., 10).
- 27.Стахович Михаил Александрович, действительный статский советник, Член Государственного Совета, председатель Общества для распространения французского языка (Мойка, 91).

П.РНБ, ОР, Ф. 152 (К.А.Военский), оп. 2, ед.хр. 613, л. 3.

[Приглашение на открытие Французского института в Петербурге]

Invitation.

L'Institut Français de Saint-Pétersbourg.-Pétersbourg prie M. [et Mme] Voensky de lui faire l'honneur d'assister à la séance d'inauguration qui aura lieu le mardi 18 Octobre à 8h ½ dans la grande salle de la Société Impériale de Géographie (Demidov pereoulouk 8a).

Le D-r d'Arsonval, Membre de l'Académie des sciences, Professeur au Collège de France, fera une conférence sur : l'Electricité et la Médecine.

La présente Invitation servira de carte d'entrée.

[приписка рукою Военского:] Министр сказал речь по фр. превосходно.

[Перевод:]

Приглашение.

Французский институт в Санкт-Петербурге просит г-на [и г-жу] Военского оказать ему честь присутствовать на торжественном открытии Института, которое произойдет во вторник 18 октября в 8ч30 в большом зале Императорского географического общества (пер. Демидова, д. 8а).

Д-р Арсонваль, член Академии наук, профессор Коллеж де Франс, прочтет лекцию на тему: Электричество и медицина.

Вход по настоящему приглашению.

[приписка рукою Военского:] Министр сказал речь по фр. превосходно.

III.ПФА РАН, ф. 113 (А.С.Лаппо-Данилевский), оп. 3, ед.хр. 280 (1913-1917 гг.), л. 4.

SPg, 27/10 1913

Monsieur et cher maître.

La séance d'ouverture de nos cours et conférences pour la présente année scolaire aura lieu, en toute simplicité, lundi 30 septembre (v.s.), à trois heures, au siège de l'Institut (rue Gorokhovaïa, 13).

Mes collaborateurs et moi-même, nous vous serions infiniment reconnaissants, de vouloir bien, si cela vous était possible, nous faire l'honneur d'assister à cette séance tout intime.

Veillez agréer, Monsieur et cher maître, l'hommage de mes sentiments bien respectueusement dévoués.

J/Patouillet.

[Перевод:]

СПб, 27/10 1913 г.

Глубокоуважаемый мэтр,

Открытие наших занятий и лекций нового учебного года произойдет, без всяких церемоний, в понедельник 30 сентября (ст.стиля), в 3 ч., в здании Института (ул. Гороховая, д.13).

Мои сотрудники и я сам были бы бесконечно признательны, если бы Вы смогли оказать нам честь присутствовать на этом скромном заседании.

Примите, глубокоуважаемый мэтр, уверение моего глубокого уважения.

